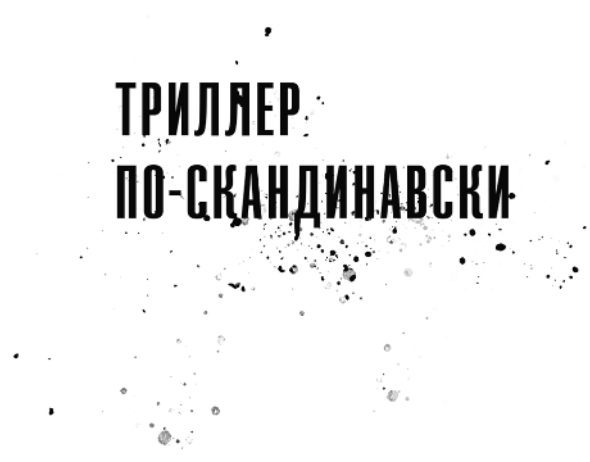

ТРИЛЛЕР
ПО-СКАНДИНАВСКИ

**ХАНС РУСЕНФЕЛЬДТ
МИКАЭЛЬ ЮРТ**

**НЕМАЯ
ДЕВОЧКА**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
P88

Michael Hjorth & Hans Rosenfeldt
DEN STUMMA FLICKAN

Серия «Триллер по-скандинавски»

Печатается с разрешения литературного агентства
Salomonsson Agency

Перевод со шведского *Анны Савицкой*

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Русенфельдт Х., Юрт М.

P88 Немая девочка : [роман] / Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Серия «Триллер по-скандинавски»).

ISBN 978-5-17-104748-1

На мирном хуторе вдали от городов происходит жестокое убийство: кто-то застрелил из ружья целую семью. У местной полиции нет никаких зацепок, и к делу подключают особую следственную группу из Стокгольма. Внезапно обнаруживается, что у преступления был свидетель: маленькая девочка, которой удалось спрятаться, а потом убежать в неизвестном направлении. Жива ли она? И если да, то где скрывается? На эти вопросы предстоит ответить гениальному полицейскому психологу Себастиану Бергману. И ему придется поторопиться: преступник тоже вышел на охоту...

**УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44**

© Michael Hjorth & Hans Rosenfeldt, 2014
© Савицкая А., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-104748-1

Какой это день недели, он не знает.

Но явно выходной. Хотя на часах уже больше девяти, он по-прежнему в пижаме.

Вся семья дома. Из гостиной доносятся звуки мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны».

Мама ставит перед ним тарелку с йогуртом и спрашивает, помыл ли он после туалета руки. Он кивает. Дать ли ему бутерброд? Он отрицательно мотает головой. Йогурта хватит. «Ванильно-банановый». Ему, конечно, больше хотелось бы хлопья «Фростис», но остатки забрал Фред, поэтому придется довольствоваться овсяными подушечками. Но раз уж последние вкусные хлопья достались Фреду, то он имеет полное право прямо после завтрака взять DVD-плеер. И посмотреть «Трансформеров» — «Темную сторону Луны».

В очередной раз.

Раздается звонок в дверь.

— Кто это может быть в такую рань? — удивляется мама и идет к входной двери. Он даже не обращает внимания на хорошо знакомые звуки, когда она берет за ручку и открывает.

Тут раздается громкий хлопок, и кажется, будто в прихожей кто-то падает.

Он подскакивает так, что йогурт выливается на стол, но он даже не замечает этого. Из спальни на втором этаже что-то взволнованно кричит папа. Он еще не вставал, но сейчас слышны его быстрые шаги.

Потом в дверях кухни возникает какой-то человек.

С ружьем.

Теперь их было две.

Ее было две.

Одна снаружи, другая внутри.

Снаружи она продолжает двигаться.

Наперекор, но целеустремленно. Усвоенный в школе урок — если ты заблудился, надо оставаться на месте — противоречил инстинктивному желанию бежать.

Разве она заблудилась?

Где находится, она толком не понимала, но знала, куда направляется. Она не углублялась в лес настолько, чтобы не слышать проезжавших по дороге машин. Иногда выходила на дорогу. Шла вдоль нее. Пряталась, если кто-нибудь появлялся. Шла, пока не показывался указатель, проверяла, что она по-прежнему на правильном пути, после чего снова скрывалась в лесу. Значит, она не заблудилась. Причины оставаться на месте нет. Вдобавок было холодно. Влажный холод подгонял ее вперед. От движения становилось теплее, не так голодно. Поэтому она шла дальше.

Внутри она застыла.

Поначалу она бежала. И внутри, и снаружи. Мчалась вслепую. Теперь она не могла толком припомнить, от чего убегала, или узнать, где оказалась. Вроде бы не место, не пространство, больше похоже на... пожалуй, на какое-то ощущение...

Она не знала. Но она была там, и там было пусто, она замерла.

Она была пуста, все замерло.

Полная тишина.

Это было главное. Пока тишина сохранялась, она ощущала уверенность. В небывалом месте, где светло без света. Где никакие цвета не напоминают те краски внешнего мира, которые все-таки продолжают улавливать ее распахнутые глаза. Где открыто, но закрыто наглухо. Там царит чувство безопасности, которое исчезнет, если исчезнет тишина. Это она инстинктивно чувствовала. Слова выдадут ее. Слова разрушат невидимые ей стены и вернут ее в реальность. Впустят внутрь творящийся снаружи кошмар.

Хлопки, крики, ярко-алые волны и страх.

Ее страх, страх вокруг нее.

Внутри она сидела молча и неподвижно.

Снаружи ей было необходимо идти дальше.

Идти туда, где никто не сможет ее найти. Где никто не попытается с ней заговорить. Внешнему «я» приходилось защищать внутреннее.

Она знала, куда ей надо.

Ей рассказывали об одном месте. Предостерегали от него. От места, где тебя никогда не найдут, если ты туда зайдешь. Вообще никогда. Именно так они и сказали. Ее никто не найдет.

Снаружи она плотнее завернулась в слишком тонкую курточку и ускорила шаг.

Внутри она постепенно съеживалась, становилась все меньше и меньше, надеясь, что совершенно исчезнет.

Анна Эрикссон сидела в машине перед светло-желтым многоквартирным домом и ждала.

Ваня опаздывала. Это ей не свойственно. Анна предположила, что для дочери это еще один способ продемонстрировать свое негодование.

Хуже всего было то, что дочь полностью прекратила им звонить.

Сама Анна с этим жить могла. Она понимала причину. Могла даже в глубине души признать, что заслужила это. Кроме того, по правде говоря, у них никогда не было отношений, подразумевавших долгие телефонные разговоры между матерью и дочерью.

Вальдемару приходилось хуже. Он переживал отдаление Ваньи невероятно тяжело, оно в большей степени, чем болезнь, способствовало его превращению в осколок своего прежнего «я». Он непрерывно говорил о дочери и о правде, которую им ни за что не следовало от той скрывать. Едва обманув смерть, он обнаружил, что жизнь полна угрызений совести и отчаяния. Анне вся эта ситуация, разумеется, тоже причиняла боль, но она справлялась с ней лучше. Она всегда была сильнее мужа.

Он выписался из больницы домой уже более месяца назад, но Анне с тех пор так и не удалось заставить его даже выйти из квартиры. Его организм, похоже, полностью принял новую почку, но Вальдемар не мог принять свой новый мир. Мир без Ваньи. Он отталкивал всех и вся.

Анну. Немногочисленных коллег, проявлявших к нему внимание, несмотря на то, что он совершил. Еще более немногочисленных друзей, звонивших все реже.

Даже по-прежнему ведущееся против него предварительное следствие его, казалось, больше не волновало. Подозрения в уклонении от уплаты налогов и фальсификации бухгалтерской отчетности были серьезными, но их полностью заслоняло предательство, совершенное им по отношению к Ванье.

Она набросилась на него с яростью. Это было ужасно. Крики, скандалы, слезы. Никто из них такой Ванью прежде никогда не видел.

Такой рассерженной.

Так глубоко уязвленной.

Постоянно повторялись те же обвинения. Как они могли? Какие мать и отец так поступают? Что они на самом деле за люди?

Анна понимала. Будь она на месте Ваньи, она задалась бы теми же вопросами. Да, вопросы были правомерными и понятными. Не нравился ей только ответ.

Она. Она — мать, которая смогла так поступить.

Несколько раз во время самых жутких ссор Анна была близка к тому, чтобы сказать:

«Хочешь знать, кто твой отец? Действительно хочешь?»

Но она стискивала зубы. Отказывалась рассказывать. Говорила, что это не имеет значения.

Не потому, что хотела защитить Себастиана Бергмана. Она понимала, чего ему хочется. Как он пытается подобраться поближе. Отстоять право, которого у него нет, как человек, пытающийся взыскать деньги, которые ему никто не должен.

Себастиан никогда не был Ванье отцом. Им был Вальдемар. Все время, целиком и полностью. Что бы там ни значилось в больничной карте, размахивая которой к ним ворвалась Ванья. Единственным утешением был тот факт, что Себастиан не мог обратить возникшую ситуацию в свою пользу. Он так же, как и она, запутан в массе лжи. Скажи он Ванье, что давно знал правду и молчал, получится, что он предал ее в точности так же, как они.

Будет так же ненавистен ей.

Так же отвергнут ею.

Себастиан знал это. В последние недели он несколько раз звонил Анне и буквально на коленях умолял ее помочь ему найти способ рассказать правду. Анна отказалась. Она никогда не поможет ему отобрать Ванью у Вальдемара. Никогда. Это она знала твердо. Все остальное представлялось сплошной неразберихой.

Впрочем, сегодня она начнет возвращать себе контроль над ситуацией.

Сегодня она предпримет первый шаг к тому, чтобы расставить все по своим местам.

У нее имелся план.

Входная дверь открылась, и, наконец, появилась Ванья. Руки глубоко засунуты в карманы куртки, плечи подняты. Под глазами синяки, вид больной и изнуренный, будто она за последние месяцы постарела на несколько лет. Переходя улицу и направляясь к машине, она отвела рукой безжизненные невымытые волосы. Анна собралась с мыслями, сделала глубокий вдох и вышла из машины.

— Привет, как хорошо, что ты смогла выбраться, — сказала она, пытаясь придать голосу максимум оптимизма.

— Что тебе надо? — донеслось в ответ. — У меня масса дел.

С их последнего разговора прошло три недели, и Анне показалось, что голос дочери звучит менее резко. Возможно, ей просто хотелось так думать.

— Я хочу тебе кое-что показать, — осторожно начала Анна.

— Что же?

— Может быть, мы поедем, и я расскажу в машине?

Ванья смотрела на нее с подозрением. Анна знала, что чем дольше они стоят молча, тем более вероятно, что Ванья согласится. Это она усвоила по их многочисленным ссорам. Добиваясь своего, Ванью нельзя атаковать и загонять в угол. Согласиться поехать она может только без конфронтации и на собственных условиях.

— Ты увидишь, что оно того стоило, — осторожно продолжила Анна. — Я знаю.

В конце концов Ванья кивнула и подошла к дверце машины. Открыла ее и села. Молча.

Анна завела машину, и они поехали. Неподалеку от бензоколонки возле гавани Фрихамнен она нарушила молчание и совершила первую ошибку.

— Вальдемар передавал привет. Ему тебя очень не хватает.

— Мне тоже очень не хватает отца. Моего настоящего отца, — молниеносно парировала Ванья.

— Я за него немного беспокоюсь.

— Вините сами себя, — перебила ее Ванья. — Это не я всю жизнь врала.

Анна почувствовала, как они близки к тому, чтобы опять начать ссориться. Как легко можно сорваться. Да, злость Ваньи понятна, но Анне все-таки хотелось заставить ее понять, как сильно она ранит тех, кто ее действительно любит. Тех, кто на протяжении всей ее жизни поддерживал ее. Они лгали из желания пощадить ее, а не навредить ей. Но Ванья только и ждала повода, чтобы взорваться, поэтому Анна попыталась разрядить обстановку.

— Я знаю, знаю. Прости, я правда не хочу ссориться. Сегодня...

Ванья, похоже, согласилась на временное перемирие. Они поехали дальше в молчании. По улице Вальхаллаваген, в западном направлении.

— Куда мы едем? — спросила Ванья, когда они проехали мимо гостиницы «Стальместаргорден».

— Я тебе кое-что покажу.

— Что именно?

Анна ответила не сразу. Ванья повернулась к ней.

— Ты сказала, что расскажешь в машине, так рассказывай.

Анна глубоко вдохнула, не отрывая внимания от дороги и впередиидущего транспорта.

— Я собираюсь отвезти тебя к твоему отцу.

— **М**ожете заходить.

Эрик Флудин повернулся к большому белому двухэтажному дому, на террасе которого стоял и призывно махал рукой приехавший с ним из Карлстада криминалист Фабиан Хельстрем.

— Мы уже почти закончили.

Эрик поднял руку в знак того, что услышал, после чего опять перевел взгляд на простирившийся перед ним открытый ландшафт.

Здесь красиво.

До каменной стены тянется покрытый свежей зеленью газон. За ней — пашня, ожидающая, пока весна чуть больше вступит в свои права, и переходящая в темную зелень от хвойных деревьев, которая совсем недавно обрела конкурента в виде нежного светлого весеннего наряда деревьев лиственных. Над открытым полем парит канюк, нарушая тишину мяукающим жалобным звуком.

Эрик раздумывал, не позвонить ли Пийе перед тем как войти. Она все равно узнает о случившемся и придет в отчаяние. Это отразится на всем муниципалитете.

На ее муниципалитете.

Но если позвонить, она начнет задавать вопросы.

Захочет узнать больше.

Захочет узнать все.

Он сам знал не больше того, что услышал от коллег, уже находившихся на месте, когда он приехал.

Тогда какой смысл?

Никакого.

Пусть Пийя подождет, решил он. Он бросил последний взгляд на находившуюся справа от него песочницу. Следы от лившего все выходные дождя в кузове желтого пластикового грузовичка. Лопатка, перепачканный в песке трансформер и два динозавра.

Эрик вздохнул и направился к дому и трупам.

Стоявшая возле патрульной машины Фредрика Франссон молча присоединилась к нему на последних шагах. Она оказалась на месте первой и, когда Эрик приехал, кратко проинформировала его о том, что ей известно. Он знал ее давно. Они вместе работали до того, как его произвели в комиссары уголовной полиции с расширенными полномочиями и отправили работать в Карлстад. Хороший полицейский. Дотошный и увлеченный. Почти на двадцать сантиметров ниже Эрика, чей рост был метр восемьдесят пять, и наверняка килограммов на десять тяжелее его семидесяти восьми. Легче перепрыгнуть, чем обежать вокруг, — поговаривали о ней язвительные коллеги. Сама она о своем лишнем весе никогда не упоминала. Да и о чем-либо другом тоже. Разговорчивостью Фредрика не отличалась.

Когда Эрик поднялся на террасу и увидел первую жертву, ему показалось, что он ощущает запах пороха. Он знал, что это обманчивое ощущение. Судмедэксперт после беглого осмотра убитых назвал ему предварительное время наступления смерти. Около суток назад. Даже если бы входная дверь была закрыта — а она явно оказалась открытой, когда пришла девятилетняя дочка соседа в поисках компании для игр, — прошло слишком много времени для того, чтобы сохранились какие-либо остатки запаха.

Прежде чем войти в дом, Эрик надел бахилы и белые пластиковые перчатки. Он отодвинул горшок с пасхальными веточками и присел около женщины, которая лежала на спине, на грубом каменном полу. Очевидно, первая из четырех жертв.

Четверо убитых.

Двое детей.

Семья.

Их личности еще не установили, но домом владели и проживали в нем Карин и Эмиль Карлстены с сыновьями Георгом и Фредом, поэтому Эрика очень бы удивило, если

бы перед ним лежала не Карин Карлстен. Разговаривая с ним, коллеги из Стокгольма, Гетеборга и даже из Карлстада иногда изумлялись тому, что он не знает всех жителей Турсбю. Ведь он оттуда родом. Разве это не просто глухое захолустье? Эрик в ответ обычно устало вздыхал. На территории муниципалитета проживает почти 12000 человек. В административном центре — немногим более 4000. Кто в Стокгольме знает 4000 человек? Никто.

Нет, с Карлстенами он никогда не встречался, правда, он о них, пожалуй, слышал. В связи с каким-то недавним полицейским расследованием...

— Ты знаешь Карлстенов? — Эрик поднял взгляд на Фредрику, которая с определенным трудом натягивала на веранде бахилы.

— Нет.

— Мне помнится, что мы зимой с ними разбирались.

— Возможно.

— Ты можешь это проверить?

Фредрика кивнула, стянула с трудом нацепленную на одну ногу голубую бахилу, развернулась и двинулась в направлении машины. Эрик вновь переключил внимание на тело шатенки лет тридцати пяти.

Отверстие в груди. Большое, почти в десяток сантиметров. Слишком большое для нарезного оружия, типа пистолета или ружья. Скорее похоже на двуствольный дробовик. Обилие крови на полу свидетельствовало о солидном выходном отверстии. Стреляли, приставив дуло прямо к телу. Пороховые газы скопились между кожей и грудиной, от высокого давления кожу прорвало, и образовались ожоги, а также почернение на белом вязаном свитере женщины вокруг отверстия. Смерть, видимо, наступила мгновенно.

Эрик бросил взгляд на входную дверь. Женщина лежит буквально в метре от порога. Будто она открыла, и, прежде чем успела среагировать, кто-то приставил ей к

грудь ружье и нажал на курок. Силой выстрела ее отбросило назад.

Кто бы там ни стрелял, он должен был потом перешагнуть через нее и пройти в дом.

Эрик выпрямился и проделал то же самое.

Сразу за прихожей находилась большая кухня. «Типичная деревенская кухня» — так наверняка описал бы ее маклер, получи он задание продать дом. В одном углу — встроенный камин с вытяжкой. Основательный сосновый пол. Такие же широкие доски потолка. Над деревянным диваном висят лопата для выпечки хлеба и еще какое-то кухонное орудие, название которого Эрик не знал. В одном ряду с современной бытовой техникой старая черная дровяная плита.

На большом сосновом столе по-прежнему стоят остатки завтрака. На одном конце — тарелка с чем-то похожим на йогурт и овсяные подушечки. Стул перед ними перевернут. На полу — мальчик лет восьми или девяти. По-прежнему в пижаме.

Шли пасхальные каникулы.

Детям не требовалось рано идти в школу. «К сожалению», — подумал Эрик.

Присмотревшись к мальчику, он, казалось, получил подтверждение своей теории относительно дробовика. Одна рука практически оторвана у плеча. На шее и на одной щеке небольшие отверстия. Разлетевшаяся картечь. Каким было расстояние, если убийца стрелял от двери? Два метра? Три? Достаточно для того, чтобы смертоносные снаряды успели немного разлететься. Возможно, мгновенную смерть они не повлекли, но мальчик, по всей видимости, истек кровью буквально за минуту.

Что дальше?

Кто-то пробежал через комнату. После того как мальчика застрелили. Ребенок. Вокруг стула на крови следы маленьких ног. Эрик посмотрел на примыкающую к кух-